

Максимилиан Робеспьер

Робеспьер М.

Избранные произведения. Том 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 7
ББК 85
М17

М17 **Максимилиан Робеспьер**
Робеспьер М.: Избранные произведения. Том 2 / Максимилиан Робеспьер –
М.: Книга по Требованию, 2024. – 413 с.

ISBN 978-5-458-34408-1

Серия "Литературные памятники"

ISBN 978-5-458-34408-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ОТ СВЕРЖЕНИЯ
МОНАРХИИ
ДО ПАДЕНИЯ
ЖИРОНДЫ

РЕЧЬ 10 АВГУСТА 1792 г.
В ОБЩЕСТВЕ ДРУЗЕЙ КОНСТИТУЦИИ ¹

Робеспьер излагает некоторые соображения относительно событий этого дня ². Чтобы извлечь из них все возможные преимущества, он рекомендует народу поставить своих избранных в условия, абсолютно исключющие возможность вредить свободе народа; требовать созыва Национального конвента; добиться декрета, осуждающего Лафайета и объявляющего его изменником родины. Он доказывает, что было бы крайне неблагоприятно, если б народ сложил оружие, не обеспечив предварительно своей свободы. Коммуна, добавил он, должна принять действенные меры, а именно: послать комиссаров во все восемьдесят три департамента, чтобы ознакомить их с нашим истинным положением; федераты должны положить начало этому, посылая письма каждый в свой соответствующий департамент.

Г. Робеспьер предлагает гражданам призвать свои секции к тому, чтобы они доводили до сведения Национального собрания подлинную волю народа, а для того, чтобы ее знать, им следует завязывать и поддерживать отношения с народными обществами, допускать на свои собрания всех граждан без различия. Наконец, он напоминает Обществу о добрых гражданах, которые содержатся в заключении за их патриотизм, и предлагает срочно заняться вопросом о законных путях возвращения им свободы.

I

О СОБЫТИЯХ 10 АВГУСТА 1792 г.³

Постоянные измены правительства, кощунственный союз наших внутренних врагов с нашими внешними врагами и с бесчисленным множеством подкупленных двором должностных лиц, преследования добрых граждан тиранией, действующей именем закона, бесстыдное нарушение принципов конституции, превращение самого этого слова в страшное оружие в руках деспотизма против патриотизма, открытое объявление Лафайетом и его сообщниками войны французскому народу и их скандальная безнаказанность, наконец, открыто организованные заговоры против безопасности столицы и жизни лучших граждан, — все это говорило о том, что французы должны драться не только за свою свободу, но и за свое существование. Все эти преступления были грозным комментарием к провозглашенной Национальным собранием внушительной формуле: «Отечество в опасности!» Весь французский народ, издавна униженный и угнетенный, чувствовал, что пробил час выполнения священной обязанности, возложенной самою природою на все живые существа и, тем более, на все нации, а именно: обязанности позаботиться о своей собственной безопасности, путем мужественного сопротивления угнетению⁴.

Огромные приготовления к новой варфоломеевской ночи, длительное время производимые в Париже и в Тюильрийском дворце, лишили граждан даже возможности какого-либо обсуждения, и народ явился в том же состоянии, в каком он был в июле 1789 г.

Однако восстание 10 августа 1792 г. имеет, по сравнению с восстанием 14 июля 1789 г., некоторые преимущества, свидетельствующие о прогрессе с тех пор движении вперед на пути просвещения.

В 1789 г. народ Парижа бурно восстал, чтобы отбить выпады двора и освободиться от старого деспотизма, но еще не для завоевания свободы, представление о которой было еще смутным, а ее принципы еще не были известны. Все страстно хотело восстания, и народ Парижа дал всей Франции сигнал к восстанию.

В 1792 г. народ, с внушительным хладнокровием, поднялся, чтобы отомстить за нарушение законов, на которых зиждется его свобода, чтобы призвать к порядку всех тиранов, затевавших против него заговоры, всех нечестных избранников, которые опять пытались похоронить неотъемлемые права человечества. Народ провел в жизнь те принципы, которые, тремя годами раньше, были провозглашены его первыми представителями. Он осуществил свой признанный суверенитет и развернул свою власть и свое правосудие, чтобы обеспечить свое спасение и свое счастье.

В 1789 г. народу помогали многие из тех, кого тогда называли великими мира сего, некоторые из числа людей, облеченных правительственной властью.

В 1792 г. все ресурсы народа заключались в его просвещении и в его силе. Он один защитил справедливость, равенство и разум против всех врагов. На этот раз уже не только народ Парижа давал великий пример всей Франции: восстал одновременно весь французский народ.

Торжественный характер этого великого действия был столь же возвышен, как и мотивы и цель его.

Парижские секции с момента провозглашения отечества в опасности объявили свои заседания непрерывными. Их мудрость и энергия в течение этого краткого периода времени ярко проявились в целом ряде бессмертных постановлений. Эти секции пробудили патриотизм честных избранных народа и руководили ими; секции гласно обсуждали мотивы и наметили день этого мужественного мероприятия. Они согласовали его в духе такого единства, которое возможно только среди друзей свободы. Это отнюдь не был бесцельный мятеж, затеянный какими-нибудь смутьянами. Это отнюдь не был заговор, скрывающийся во мраке. Обсуждение происходило открыто, перед лицом всей нации. День восстания и его план были указаны в афишах. Весь народ в целом осуществлял, таким образом, свои права. Он действовал как суверен, слишком сильно презирающий тиранов, чтобы бояться их, слишком глубоко уверенный в своей силе и святости своего дела, чтобы снисходить до сокрытия своих намерений.

Секции начали с того, что назначили комиссаров для охраны безопасности Коммуны и осуществления ее власти⁵. Эти комиссары отправились в муниципалитет, которому от имени парижского народа они объявили, что он смещен, за исключением мэра, прокурора Коммуны и шестнадцати полицейских администраторов.

Тем временем ударили в набат. Граждане из всех секций вооружались и собирались вместе.

Национальные гвардейцы, национальная жандармерия, оставшиеся в Париже федераты всех департаментов, весь народ был одушевлен единым чувством, единой целью. Среди них можно было отличить бессмертный Марсельский батальон, прославившийся победами, одержанными над тиранами юга. Эта армия, внушительная своею численностью и бесконечным разнообразием вооружения и, особенно, возвышенной любовью к свободе, воспламенявшей все лица, являла зрелище, которое невозможно выразить никакими словами и о котором люди, видевшие только события 14 июля 1789 г., могут иметь лишь несовершенное представление.

Эта армия направилась ко дворцу, где был очаг заговора против безопасности Парижа и где уже давно была собрана, для осуществления этого заговора, армия, состоявшая из контрреволюционеров и швейцар-

ской гвардии. Подошедший первым к воротам дворца, выходящим на Площадь карусели, батальон федератов и граждан предложил швейцарцам перейти на сторону народа. Швейцарцы ответили выражениями дружбы, протягивали руку гражданам; многие из них надевали шапки свободы *. Но между тем как граждане отдавались этой сладостной иллюзии, из дворца загремели пушечные выстрелы и множество солдат народной армии, в том числе сто марсельцев, было убито наповал. Ужасное вероломство! И вина за это ложится не на швейцарцев вообще, а на гнусные интриги их аристократических начальников и двора, которые в течение ряда дней непрестанно обманывали их, чтобы подготовить их к этим злодеяниям.

Это предательство стало сигналом для сражения, в котором разгоряченное негодованием мужество народа опять одержало победу над деспотизмом. Дворец был взят приступом, швейцарцев обратили в бегство и преследовали; многие из них пали искупительной жертвой за тех, кто, защищая свободу, погиб от ударов тирании. Правосудие народа покാരало также многих контрреволюционных аристократов, позоривших французскую нацию, и этим отомстило за вековую безнаказанность всех угнетателей человечества. Но даже и в гневе своем народ соблюдал формальные правила, необходимые для того, чтобы не пострадали невинные⁶, он разил лишь тех, кто был приговорен новым муниципалитетом, на основании письменных доказательств или общеизвестных фактов.

Чья рука вонзила кинжал в сердца патриотов или меч правосудия в грудь преступников? Это сделала рука тиранов, которые одних угнетали и предавали, других развращали и обманывали. Несчастья людей всегда имеют причиной преступления деспотизма.

Вначале Людовик XVI с Марией Антуанеттой Австрийской и семейством покинули Тюильри и ушли в Национальное собрание. Находясь в этом убежище, они прислушивались к грому пушек и стрельбе из мушкетов, от которых падали и их поборники и друзья свободы. Они сохраняли внешнее спокойствие до тех пор, пока до их слуха не донеслись крики, возвещавшие о поражении их поборников. Они, по-видимому, рассчитывали на проведенные ими подготовительные меры против народа, на раскол среди граждан, на измену многих командиров национальной гвардии, на часть этой гвардии, продавшуюся аристократам, наконец, на всех подкупленных двором негодяев. Но не тиранам судить о силе народа. Они не предвидели, что все это чудовищное сплетение преступлений и вероломства исчезнет перед всемогуществом народа.

.....
* Так Робеспьер называет, по-видимому, фригийские колпаки (прим. переводчика).

Враги свободы так глубоко заблуждались на этот счет, что главный генеральный прокурор Редерер, сопровождавший Людовика XVI, благодушно выступая в Собрании в качестве адвоката и защитника двора, старался разжалобить Собрание рассказами о несчастьях Людовика и его августейшего семейства. Вместе с тем он обвинял народ и должностных лиц, известных своей преданностью делу народа; он это делал со смелостью человека, который уже заранее видел народ обреченным на казни и порабощение. Но едва лишь он закончил свои обвинения по адресу каноников, выразивших ему свое презрение в ответ на данный им приказ стрелять по гражданам, и свои обвинения по адресу офицеров полиции, отказавшихся применять закон о военном положении, едва лишь он высказал свою благодарную преданность, отстаивая с опасностью для своей жизни человекоубийственные декреты, которых он добивался от Национального собрания, как вокруг раздались грозные крики, возвещавшие победу свободы. Оратор тиранов побледнел и исчез. И те, кто до этого момента вызывал лишь негодование и ужас, казались тогда почти достойными сожаления.

Зоркие наблюдатели обратили внимание на то, что Людовик XVI считал нужным, как только раздались первые пушечные выстрелы, заверить Собрание, что «он отнюдь не приказывал швейцарцам стрелять».

Что касается Собрания, временами казалось, что происходившие вокруг него героические подвиги поднимали и Собрание на высоту, соответствующую его обязанностям.

Честные депутаты, освободившись наконец от ярма, навязанного им множеством подкупленных двором предателей, смогли заговорить. И декреты Законодательного собрания становились законами, поскольку они начали приближаться к общественным интересам и общей воле.

Собрание решительно одобрило поведение представителей Парижской коммуны. Оно вспомнило, что оно представляет народ и что народ его спас. Лучший из его декретов несомненно тот, который отменил преступное и политически неправильное установленное Учредительным собранием разделение граждан на активных и неактивных, на обладающих правом быть избираемыми и не обладающих этим правом. Этим декретом было испулено преступление против нации и человечества, которое макиавеллизм и вероломство имели наглость прикрасить соображениями благоразумия и политики, чтобы лишить гражданских прав как раз тех, кто их завоевал, тех, кто составляет наиболее здоровую и честную часть общества в любой нации⁷. О, достопамятный и утешительный пример успехов разума! Ибо мы были свидетелями того, как общественное мнение властно добилося осуществления тех вечных законов справедливости и общественного порядка, которые тремя годами раньше не были признаны и нарушались из-за предрассудков.

Собрание так же без колебаний приняло решение об отстранении Людовика XVI; но надо признать, что мы не находим в принятых им по этому вопросу декретах той мудрости и энергии, которых требовали обстоятельства. Оно отстранило того, кого оно должно было объявить лишенным престола, оговорив, что это решение подлежит утверждению Национальным конвентом. Оно таким образом предотвратило бы множество опасных проволок и вопросов, которые при нынешних обстоятельствах могут стать причиной гражданских раздоров. Плохое впечатление произвели мотивы, содержащиеся в преамбуле. Странно было слышать о «возникших против исполнительной власти подозрениях», тогда как нация и Национальное собрание видят повсюду вполне доказанные преступления Людовика, его семьи и его агентов.

Но особенно возмутило то, что Собрание сочло этот момент подходящим для назначения гувернера сыну короля. С какой высоты, о праведное небо, упали мы благодаря этому решению! Французы, вспомните о пролитой крови, вспомните о чудесах разума и мужества, поставивших вас над всеми народами мира, вспомните, что вы прославились, провозгласив перед лицом тронов бессмертные принципы, чтобы возродить род людской, похороненный в небытии рабства. Смотрите, как французская нация идет вперед, чтобы исправить свои первые ошибки, чтобы установить свою судьбу и судьбу мира, и сопоставьте эти идеи с декретом, назначающим гувернера королевскому принцу. Но какое значение имеют предрассудки и слабости бывших делегатов, если вскоре явится суверен? К тому же, эти порочные решения следует отнести не столько на счет членов Собрания, проявивших после нового возрождения известное рвение в интересах общественного блага, сколько на счет влияния комитетов и докладчиков.

Можно было бы также пожелать, чтобы Собрание выработало для выборов в Национальный конвент порядок более простой, более краткий и более благоприятный для прав народа. Следовало бы устранить бесполезное и опасное посредничество избирательных корпусов, и предоставить народу возможность самому непосредственно выбирать своих представителей.

Собрание следовало больше рутине, чем принципам. Однако оно заслуживает похвалы за то, что этот порядок выборов оно предложило лишь в форме приглашения и совета и таким образом воздало дань уважения суверенитету народа, объединенного в первичных собраниях.

Так началась прекраснейшая из революций, прославивших человечество, вернее, единственная, имевшая вполне достойную человека цель добиться, наконец, того, чтобы политические общества были построены на основе бессмертных принципов равенства, справедливости и разума. Разве какое-либо другое дело могло бы в один момент объединить этот огром-

ный народ, это бесчисленное множество граждан всех состояний, и побудить их действовать согласованно, не имея ни начальников, ни сборного пункта! Какое другое дело могло бы возбудить в них такое высокое и стойкое мужество и породить все эти героические подвиги, превосходящие все, о чем рассказывает история Греции и Рима! Вот уже вся Франция откликается на этот сигнал. Все мелкие интриганы, все честолюбивые предатели, осмелившиеся вызвать гнев народа, если даже им удастся ускользнуть от его правосудия, сами впадут в ничтожество. Сотрясение, низвергшее трон наших тиранов, уже поколебало все троны. И свобода всего мира будет нашим делом и нашей наградой.

Французы, не забывайте, что вы держите в своих руках судьбы всего мира. Не засыпайте на лоне победы; следуйте правилу того великого человека, который считал, что он ничего не сделал, до тех пор, пока ему оставалось что-то сделать. Не забудьте, что вам надо сражаться против лиги деспотов и расстроить заговоры еще более опасных врагов, пребывающих в вашем лоне. Вас ждет бессмертная слава. Но вы должны добиться ее великими трудами. Будьте бдительны! Отныне пред вами лишь выбор между самым отвратительным рабством и полной свободой, между самой жестокой проскрипцией и самым чистым счастьем, какое может выпасть на долю народа. Если не погибнут короли, то погибнут французы. Таково положение, созданное славною борьбою, которую вы до сих пор ведете против монархии. Страхните же с себя окончательно армо ваших старых предрассудков и твердо стойте на уровне принципов свободы и тех событий, в которых вы участвуете.

Народы, до сих пор плуты говорили вам о законах лишь для того, чтобы вас поработать и истреблять. В действительности, у вас не было законов. У вас были только преступные капризы некоторых тиранов, пробравшихся к власти путем интриги и опирающихся на силу. Они вам проповедовали уважение к установленным властям, но эти установленные власти были лишь ловкими мошенниками, облеченными незаконной властью, которой они пользовались, чтобы с соблюдением известной процедуры уничтожить справедливость и гражданскую доблесть. Их преступления заставили вас еще раз взять в свои руки осуществление ваших прав. Осуществляйте свои права достойным вас образом, чтобы обеспечить ваше счастье. Вы будете счастливы лишь тогда, когда у вас будут законы. У вас будут законы лишь тогда, когда будут прислушиваться к общей воле и уважать ее, и когда народные представители не смогут больше безнаказанно нарушать ее и узурпировать суверенитет. Плодом ваших усилий, ваших жертв и ваших побед должна быть самая лучшая конституция, наиболее достойная великодушного и просвещенного народа. Это будет целью того Национального конвента, который вы вскоре образуете. Не допустите в Конвент никого из ваших естественных врагов, никаких

агентов, никаких лакеев ваших тиранов. Нельзя доверять интриге, честолюбию и эгоизму того, что должно быть создано добродетелью и гением.

Но, каковы бы ни были ваши делегаты, остерегитесь делать их абсолютными хозяевами вашей судьбы. Наблюдайте за ними, судите их. И оговорите для себя регулярные и мирные средства в любое время пресечь всякую узурпацию государственными деятелями прав и суверенитета народа.

Однако вы должны подготовить успех Конвента путем возрождения гражданского духа. Пусть все пробуждается, пусть все вооружаются, пусть враги свободы скроются во мраке. Пусть все департаменты повторят набатный звон Парижа. Французы, вы должны уметь рассуждать и драться. Отныне вы в войне со всеми вашими угнетателями. Вы добьетесь мира только тогда, когда вы их покараете. Отбросьте малодушную слабость или трусливую снисходительность, которой требуют исключительно для себя тираны, жаждущие человеческой крови. Безнаказанность породила все их преступления и все ваши беды. Да падут они от меча законов! Милосердие, которое их прощает, есть варварство и преступление против человечества.

II

ПОДРОБНОСТИ СОБЫТИЙ 10 АВГУСТА И ПОСЛЕДУЮЩИХ ДНЕЙ

В ночь с 9 на 10 августа, господин Манда⁸ командовал национальной гвардией. Это он вместе с двором задумал гнусный заговор против народа. Он собрал во дворце всех тех из национальной гвардии, которые продались Лафайету и двору, а именно часть батальонов ордена дочерей Сен-Тома и ордена Пети-Пэр⁹. Эти батальоны предоставили в распоряжение тиранов восемь пушек, по признанию господина Манда, данному им Генеральному совету Коммуны.

На совещании в Тюильри было решено завлечь народ, чтобы захватить его между двух огней. И Манда взялся выполнить этот план. Генеральный совет Коммуны, заседавший этой ночью, узнав по многим признакам о заговоре, приказал названному Манда явиться. Тот сперва отказался, но после повторного приказа явился. Его спросили, почему он собрал в Тюильри чрезвычайные вооруженные силы без распоряжения муниципальной власти. Он отвечал двусмысленно и хитро, но допрос был прерван одним из членов Совета, предъявившим важный уличающий документ. Это было письмо, написанное господином Манда начальнику Гревского поста. Письмо это гласило: